

ANTON BATAGOV **BACH**

Я смотрю в ноты, на которых написано *Bach*. Я не знаю, как Бах хотел это слышать. Вряд ли мы имеем право в XXI веке говорить, что мы знаем, как надо играть Баха в «аутентичной» манере. Пытаться воссоздать тот стиль игры, который мы никогда не слышали, пользуясь музыковедческими исследованиями, – приятный самообман. Поэтому я не претендую на историческую достоверность. Мне хочется, оставаясь там, где я есть – здесь и сейчас – постараться *услышать* то, что давно уже обесмыслилось в бесконечном потоке потребления.

Можно возразить: это давно сделал Гленн Гульд. Да, действительно. Но Гульд умер в 1982 году, а за это время мир изменился.

Благодаря минимализму мы открыли для себя магию вневременных медитативных состояний. Постмодернистский подход радикально изменил наше отношение к тому, что такое автор. Современная культура – это интеллектуальная игра по новым правилам; это пазл, состоящий из цитат и стилистических зеркал. Мы за последние десятилетия научились следовать этим правилам и запомнили имена первопроходцев. Мы привыкли, что если мы слышим нечто, звучащее почти как старинная музыка, – значит, это Найман. Качающиеся минорные терции и волнообразные пассажи – это Гласс. Воспоминания о ранней полифонии – это Пярт.

Что касается исполнения классической музыки, то этот конвейер продолжает исправно функционировать. Мы выходим на сцену во фраках и извлекаем из музыкальных инструментов всё те же последовательности нот, написанные в XIX веке и в начале XX, имитируя «классические» и «романтические» эмоции. Какое отношение имеет это явление к современной жизни? Никакого. Можем ли мы сейчас дышать тем воздухом, которым дышали в те времена? Не можем. Мы живем в эпоху кондиционеров.

А мир в целом превратился в непрерывный процесс потребления. Музыка стала звуковыми обоями. Она звучит везде. Ее никто уже не замечает, даже если она звучит громко. Эти колебания воздуха современное ухо приравнивает к тишине. Сорок лет назад люди садились у себя дома и слушали пластинки. Сейчас люди настолько заняты множеством дел, что не могут позволить себе провести час, просто сидя и слушая музыку. За этот час можно ответить на десятки e-мейлов и сообщений, поговорить одновременно со многими людьми с помощью различных мессенджеров, пообедать, сделать покупки в интернет-магазине, узнать новости, просмотреть биржевую сводку и прогноз погоды, заказать билет на самолет, – и при этом ни на секунду не покинуть фейсбука. Или, если слушать в машине, можно за это время проехать как минимум километров 60. Мы окончательно разучились концентрироваться. Если бы Бах всё это увидел, да еще ему показали бы современный рекламный ролик или видеоклип, он бы подумал, что оказался в аду. А Гульд подумал бы, что он в психушке.

И вот поэтому сейчас хочется играть Баха так, чтобы эти звуки не мелькнули мимо, как мелькает всё, что окружает нас. Каждый эпизод в музыке Баха повторяется дважды, и я играю каждый раз в разных темпах, с разной артикуляцией, как бы рассматривая один и тот же кристалл с разных сторон, проживая одну жизнь разными путями. Темпы в основном медленные, но дело даже не в темпах. Каждый звук возникает спонтанно, как будто это импровизация, обнаруживая в себе другую выразительность, другой смысл, как оживают детали изображения под увеличительным стеклом. Это медитативно-сосредоточенное состояние живет в своем собственном нелинейном времени. Время – относительная величина. Не обязательно быть Эйнштейном или летать на далекие звезды, чтобы убедиться в этом.

Не обязательно быть буддийским монахом, чтобы осознать, что все наши концепции условны и пусты. Так или иначе, в музыке Баха содержится весь наш постмодернизм, весь наш минимализм, а также джаз, рок и многое другое.

Интересно, что музыка Партит не имеет практически никакой связи с «танцевальными» названиями частей. Бах воспользовался привычной для того времени формой – сюитой из танцев – и наполнил эту форму совершенно другим содержанием. Ми-минорная Партита – это самые настоящие «Страсти», только без слов. Ре-мажорная – мистерия Рождества Христова. А между этими двумя Партитами мне показалось уместным сыграть хорал «Jesus bleibet meine Freude» («Иисусе, упование мое») из кантаты «Herz und Mund und Tat und Leben» («Сердце и уста, и деяния, и жизнь»). Он становится центром этой двухчасовой программы, и уже нет необходимости объяснять, о чем всё это. Ведь каждая нота, каждая интонация, каждый аккорд музыки Баха несут в себе ту правду, рядом с которой всё остальное – несущественно, поэтому звучит она бескомпромиссно и порой даже беспощадно, несмотря на ослепительную красоту. Нет такого пути к свету, который не пролегал бы через Голгофу. Я не знаю, смогу ли я передать хотя бы маленькую часть этой баховской правды. Вряд ли. Но я постараюсь.

Обычно, когда я выбираю рояль для записи, мне хочется, чтобы в каждом случае инструмент соответствовал той звуковой задаче, которая стоит передо мной, и эта задача всегда разная. Мои альбомы последних лет записаны на Steinway 1932 и 1959 года и Fazioli. А эту программу я решил записать на рояле Bösendorfer, «случайно» обнаруженном мною в артистическом центре Yamaha. Bösendorfer – настоящий аристократ в мире роялей. Очень

особенный звук, благородный и глубокий, детализированный и как бы многослойный. С 2008 года старейшая австрийская компания Bösendorfer принадлежит компании Yamaha. И вот звоню арт-директору Yamaha Artist Services Moscow Оксане Левко и спрашиваю, можно ли сделать эту запись на этом рояле. Она говорит: «Можно. Он только что перевезен в культурный центр ЗИЛ, и там он стоит в маленьком зале, где его бережно охраняют». И эта запись была организована на этом рояле в этом зале.

А теперь самое главное. Дело в том, что на том месте, где в 1930-е годы был построен ДК ЗИЛ, раньше находился некрополь Симонова монастыря. Монастырь был основан в XIV веке учеником прп. Сергия Радонежского свт. Федором. При советской власти уничтожили и монастырь (осталась только очень маленькая часть), и кладбище, где были похоронены поэт Веневитинов, писатель Аксаков, композитор Алябьев, коллекционер Бахрушин, дядя Пушкина Н. Пушкин и многочисленные представители русских дворянских фамилий. Коммунисты убивали не только живых, но и мертвых, а наилучшим фундаментом для пролетарской культуры, как известно, служили уничтоженные святыни.

Я знал историю этого монастыря и ДК ЗИЛ, но когда приехал туда и стал играть... Сначала мне вообще показалось, что играть я там просто не смогу. Там можно или молчать, или молиться. Но потом я почувствовал, что музыка Баха – это тот вид молчания / молитвы, который, возможно, уместен в этой ситуации, а в каком-то смысле даже необходим.

Такой трудной записи у меня не было никогда. Казалось, что каждая нота вбирает в себя всё это, и эти события происходят прямо сейчас. Я понимаю, что если бы я записывал это, например, в Большом зале консерватории (а мы рассматривали такой вариант) или если бы этот самый рояль стоял в другом месте, я бы играл иначе. Но, безусловно, это должно было случиться именно там.

И еще один сюжет, связанный с этой записью.

Каждый раз во время студийной работы я благодарю моего учителя, выдающегося звукорежиссера Северина Васильевича Пазухина, за то, что я стал не только музыкантом, но и звукорежиссером. Я всегда очень требователен к звуку, поэтому важно обсуждать всё со звукорежиссерами на одном языке, чтобы вместе найти правильное решение. Такие слова, например, как «разъём XLR», «порог компрессора» или «кардиоидный микрофон» – это для меня такой же родной язык, как «фа-бекар», «allegro» или «crescendo».

Для записи прежде всего важен выбор микрофонов. Звукорежиссер Анастасия Лукина спросила меня: «Как должна звучать эта запись?»

Я попытался найти какие-то слова, но не смог.

Тогда она предложила: «Давай я принесу несколько пар разных микрофонов, ты поиграешь на этом рояле, мы слушаем, сравним и выберем».

Разумеется, это была правильная идея.

И вот, стоит лес микрофонов: Neumann, Schoeps, Sennheiser, DPA. Была возможность выбрать из самых лучших мировых моделей, оптимальных по всем параметрам для записи рояля. И Настя говорит: «Сейчас еще придет один человек и принесет российские микрофоны *Elation*. Я их видела в Лос-Анджелесе. По-моему, очень здорово звучат. Давай тоже попробуем».

Я сию играю, Настя записывает. Потом зовет меня в аппаратную послушать.

Я слушаю. Настя переключает дорожки, чтобы я сравнил, как звучит одно и то же, записанное разными парами микрофонов. И вдруг...

– Ух ты, а это что? Вот это именно то, что нужно!

– А это как раз *Elation*.

У меня не было ни секунды сомнений и колебаний. Мы выбрали *Elation*. Не буду говорить ничего плохого про остальные всемирно знаменитые микрофоны: они звучат прекрасно. Но эти отличаются принципиально. Абсолютно живой звук, теплый, дышащий, – если угодно, «аналоговый». Эти микрофоны звучат так, как будто это вообще не запись, а просто сидишь и слушаешь живой инструмент. Согласитесь, непривычно видеть на таком девайсе надпись *Made in Russia*.

Антон Батагов

Bösendorfer – старейший австрийский фортепианный бренд, ведущий свою историю с 1828 года и по праву считающийся частью австрийского национального культурного наследия.

Уникальность рояля Bösendorfer заключается прежде всего в бережном сохранении традиций его создания, заложенных еще его основателями – Игнацом и Людвигом Бёзендорфер. Каждый инструмент – плод индивидуального творчества мастеров, владеющих уникальными секретами, передающимися из поколения в поколение, от мастера к мастеру. Процесс «творения» рояля Bösendorfer можно сравнить с созданием скрипки или произведения искусства. Какое-либо механическое вмешательство исключено. Каждый рояль неповторим.

Именно уникальность и неповторимость звучания роялей Bösendorfer привлекала и продолжает привлекать самых выдающихся исполнителей и композиторов. На этих инструментах создавали свои бессмертные произведения Ференц Лист, Антонин Дворжак и Рихард Вагнер. Среди поклонников роялей Bösendorfer – император Франц Иосиф I и Рональд Рейган, Леонард Бернстайн и Мстислав Ростропович, Хосе Каррерас и Пласидо Доминго, Оскар Питерсон и Тори Амос, Фрэнк Синатра и Стинг.

С 2008 года старинный австрийский бренд представляет в мире корпорация Yamaha Music, которая призвана сохранить и приумножить более чем 180-летние традиции производства фортепиано, являющегося символом великой европейской музыкальной культуры.

*Оксана Левко,
арт-директор Yamaha Artist Services Moscow*

Büchergeschäft

I am looking at the score bearing the name of *Bach*. I don't know how Bach would like it to be played. I doubt we 21st century musicians can claim we know how to play Bach in an authentic manner. An attempt to recreate a playing style, which we never heard, by studying musicological texts is just a pleasant self-deception. That's why I don't seek historical authenticity. I want to stay where I am – here and now – and try to actually *hear* the sounds, which have lost their meaning in the endless stream of consumption.

You may argue that Glenn Gould did this long ago. Yes, indeed. But Gould died in 1982, and the world has changed quite a lot since then.

Thanks to the minimalism, we discovered the magic of timeless meditative states. Post-modernist approach dramatically changed our understanding of the author's role. Modern culture is an intellectual game played by new rules. It is a puzzle that consists of quotations and stylistic mirrors. Over the last decades, we have successfully learned these rules and memorized the names of the pioneers. When we hear something that reminds us of early music, we know that this is Michael Nyman. Music with swinging minor thirds and wavelike passages is Philip Glass. A reminiscence of medieval polyphony is Arvo Pärt.

As for performing classical music, it is a factory that is still functioning. We come on stage wearing tuxedos and reproduce the sequences of notes written by someone who lived in the 19th century and in the early 20th century over and over again, mimicking “classical” and “romantic” emotions. What does this phenomenon have to do with modern life? Nothing at all. Can we now breathe the 19th century air? No. We live in the era of air conditioning.

The world as a whole has become a continuous process of consumption. Music has become background noise. You can hear it everywhere, but nobody notices, even when it is loud. These vibrations equal silence to the modern person's ear. Forty years

ago, people sat down at home and listened to a record. Today's people are so busy with thousands of extremely important things that they cannot afford to spend a whole hour listening to music. While listening to music, you can answer dozens of emails and messages, chat with people from all over the world via various messengers, have lunch, shop online, watch the news and the weather forecast, check stock market indexes, book plane tickets... And do all of the above without leaving Facebook for a second. Or, if listening to music in a car, we can cover at least 35 miles during this hour... We have completely lost our ability to concentrate on anything. If Bach could see all this, and then watched a modern TV commercial or a music video, he would think he was in hell. Gould would think he was in a mental asylum.

That's why I'd like to play Bach now in such a way that these sounds don't pass by like anything we hear today. Each section of his music should be repeated twice, and I play them in different tempos with different articulation, as if contemplating a crystal from different points of view, or living a life twice choosing different scenarios. The tempos are mostly slow, but it's not about the tempos per se. Every sound appears spontaneously, as though it was an improvisation, and reveals another meaning, another kind of expressiveness. It's like zooming in on a picture to see every detail in high resolution. This meditative concentration has its inner non-linear flow of time. Time is a relative thing. It is not necessary to be Einstein or an astronaut going to the final frontier to see that this is true. You don't have to be a Buddhist monk to realize that all our concepts are relative and empty. Anyway, it's clear that Bach's music contains all of our post-modernism, all of our minimalism, as well as jazz, rock, and many other styles.

A curious fact: the music of Partitas has almost nothing to do with “dance” names of their movements. Bach chose the form commonly used at the time – a dance suite – and filled it with completely different content. The E minor Partita

is like a Passion without words, and the D major Partita is a mystery of Christmas. Between these two partitas, I will play a choral *Jesus bleibet meine Freude (Jesus, Joy of Man's Desiring)* from cantata *Herz und Mund und Tat und Leben (Heart and Mouth and Deed and Life)*. It will be the centerpiece of this two-hour program, and there is no need to explain what it is all about. Every note, every intonation, every chord in Bach's music convey the truth that makes everything else insignificant. That's why it sounds so uncompromising, sometimes even ruthless, while being so dazzlingly beautiful. There is no path to light that would not go through Calvary. I don't know whether I will be able to convey at least a tiny part of this truth of Bach's. I doubt it. But I will try.

Every time I choose a piano for my recordings I want the instrument to comply with the challenge I face in terms of sound, and it's always a different challenge. My albums of the recent years were recorded on 1932 and 1959 Steinways, and a Fazioli. However, I decided to record this program on the Bösendorfer that I had "accidentally" found at the Yamaha Artist Services showroom. Bösendorfer is a true aristocrat in the world of pianos. It has a very special sound, noble and deep, detailed and kind of multilayered. Yamaha has owned the old Austrian brand Bösendorfer since 2008. So I called Oksana Levko, the artistic director of Yamaha Artist Services Moscow, and asked her if I could make this recording on that piano. She said, "You can. It has just been moved to ZIL cultural centre, and there it stands in a small hall and is taken good care of." So it was arranged that the recording would be done with that grand piano in that hall.

And now I get to the main point. The place where ZIL cultural centre was built in the 1930's had earlier been the necropolis of the Simonov Monastery. The monastery was established in the 14th century by St. Feodor, a disciple of Ven-

erable Sergius of Radonezh. During the Soviet era, the monastery was destroyed (just a very small part of it remained in place) as well as the cemetery where poet Venevitinov, writer Aksakov, composer Alabiev, art collector Bakhrushin, a Pushkin's uncle, and numerous members of Russian noble families had been buried. The communists killed not only the living, but the dead too, with the destroyed sacred objects acting as the best kind of foundation for the proletarian culture.

I had been aware of the history of that monastery and ZIL cultural centre, but when I came there and started to play... At first it seemed to me I would simply be unable to play there at all. You can either keep silent or pray there. But then I felt that Bach's music was the kind of silence/prayer that was possibly appropriate in that situation, and even essential in a way.

I had never had a recording as difficult as this one. Every note seemed to absorb all that, and it seemed that the events of the past are taking place right now. Definitely, if I was recording it, for example, at the Grand Hall of the Conservatory (we were considering that option at some point), or if this very piano was someplace else, I would have played differently. But of course it was destined to happen at that very place.

And one more story related to this recording.

Every time I work in a recording or mixing studio, I thank my teacher Severin Vasilievich Pazukhin, an outstanding audio engineer. Thanks to him, I became not only a musician, but also an audio engineer, too. I'm always very demanding when it comes to sound, therefore it's important to discuss everything and be on the same page with an audio engineer to find the right approach together. Words like "XLR connector," "compressor threshold" or "cardioid microphone" are as much my mother tongue as "F natural," "allegro" or "crescendo."

The choice of microphones is of primary importance for recording. Recording engineer Anastasia Lukina asked me, “How should it sound?”

I tried to find some words, but I couldn’t.

Then she suggested, “Let me bring a few pairs of different mics, you’ll play this piano, we’ll listen, compare and choose.”

That was the right idea indeed.

And there we are, with a forest of microphones – Neumann, Schoeps, Sennheiser, DPA. We had a possibility to choose from the world’s best models with optimal parameters for piano recording. And Nastya says, “There’s a man coming with Russian *Elation* mics. I saw them in Los Angeles. I think they sound great. Let’s try them too.”

So I’m sitting and playing, Nastya is recording. Then she calls me to the control room to listen.

I’m listening. Nastya is switching the tracks for me to compare how the same thing recorded with different pair of mics sounds. And suddenly...

“Wow, what’s this? This is exactly what I need!”

“That’s *Elation*.”

I didn’t give it a second thought. We chose *Elation*. I’m not going to bad-mouth the rest of the world famous mics; they are fine. But these ones are fundamentally different. An absolutely natural sound, warm and breathing – “analogue” if you please. These mics sound as if it wasn’t a recording at all. They sound as if you were just sitting and listening to a live performance. It’s unusual to see the inscription *Made in Russia* on a device like that. Don’t you agree?

Anton Batagov

Bösendorfer is a famous piano brand dating back to 1828 and rightfully considered a part of the Austrian national cultural heritage.

What makes Bösendorfer pianos so unique is first of all careful preservation of the traditions of the craft established by the founders – Ignaz and Ludwig Bösendorfer. Each instrument is a fruit of personal creativity of the craftsmen, who have unique secrets passed on from generation to generation, from craftsman to craftsman. The process of ‘creating’ a Bösendorfer piano can be compared to the making of a violin or a work of art. Any mechanical interference is out of the question. Each piano is unique.

It’s the unique and inimitable sound of the Bösendorfer grand pianos that has attracted the greatest performers and composers. Franz Liszt, Antonín Dvořák and Richard Wagner created their immortal works on these instruments. Emperor Franz Joseph I, Ronald Reagan, Leonard Bernstein, Mstislav Rostropovich, José Carreras, Plácido Domingo, Oscar Peterson, Tori Amos, Frank Sinatra and Sting are just a few names of those who enjoyed playing Bösendorfer pianos.

The centuries-old Austrian brand has been represented worldwide by Yamaha Music since 2008. The company intends to preserve and develop the more than 180-year-old traditions of piano crafting, a symbol of the great European music culture.

*Oxana Levko,
Yamaha Artist Services Moscow, artistic director*

CD 1

Иоганн Себастьян Бах

Партита № 4 ре мажор, BWV 828

1	Увертюра	10.31
2	Аллеманда	14.26
3	Куранта	07.43
4	Ария	03.47
5	Сарабанда	07.49
6	Менуэт	02.42
7	Жига	05.13
8	Jesus bleibet meine Freude (Иисусе, упование мое) из кантаты «Herz und Mund und Tat und Leben» («Сердце и уста, и деяния, и жизнь»), BWV 147	13.06

Общее время: 65.24

CD 2

Иоганн Себастьян Бах

Партита № 6 ми минор, BWV 830

1	Токката	16.03
2	Аллеманда	05.13
3	Куранта	09.19
4	Ария	03.15
5	Сарабанда	10.12
6	В темпе гавота	03.46
7	Жига	14.15

Общее время: 62.08

Антон Батагов, *фортепиано*

Записано в зале Конструктор, культурный центр ЗИЛ, Москва, в декабре 2016 года
Рояль: Bösendorfer 225

Микрофоны: Elation km901

Настройка и интонировка рояля: Алексей Шубин и Николай Гаврилов

Звукорежиссер (запись, монтаж, сведение, мастеринг): Анастасия Лукина

Координатор проекта: Карина Абрамян

Выпускающий редактор: Полина Добрышкина

Дизайн: Григорий Жуков

Фото на обложке и в буклете: Алиса Наремонтти

Фото на обложке буклета: Лиана Даренская

Спасибо: Оксане Левко (Yamaha Artist Services Moscow), Александру Шрайбману и Михаилу Степанову (лаборатория Elation), Елене Мусаелян, Александру Колосову, Марине Безруковой, Дмитрию Маслякову, Геннадию Папину, Антону Бушинскому, Диане Горовой

CD 1

Johann Sebastian Bach

Partita No. 4 in D major, BWV 828

1	Ouverture	10.31
2	Allemande	14.26
3	Courante	07.43
4	Aria	03.47
5	Sarabande	07.49
6	Menuet	02.42
7	Gigue	05.13
8	Jesus bleibet meine Freude (Jesus, Joy of Man's Desiring) from cantata <i>Herz und Mund und Tat und Leben (Heart and Mouth and Deed and Life)</i> , BWV 147.	13.06

Total time: 65.24

CD 2

Johann Sebastian Bach

Partita No. 6 in E minor, BWV 830

1	Toccatà	16.03
2	Allemande	05.13
3	Corrente	09.19
4	Air	03.15
5	Sarabande	10.12
6	Tempo di gavotta	03.46
7	Gigue	14.15

Total time: 62.08

Anton Batagov, *piano*

Recorded at Constructor Hall, ZIL cultural centre, Moscow, December 2016

Piano: Bösendorfer 225

Microphones: Elation km901

Piano technicians: Alexey Shubin and Nikolay Gavrilov

Recorded, mixed, edited and mastered by Anastasia Lukina

Label manager: Karina Abramyan

Executive editor: Polina Dobryshkina

Design: Grigory Zhukov

Cover photo and booklet photos: Alisa Naremontti

Booklet cover photo: Liana Darenskaya

Translation: Nikolai Kuznetsov, Kate Pirogova

Thanks to: Oxana Levko (Yamaha Artist Services Moscow), Alexander Schreibman and Mikhail Stepanov (Elation Mic Lab), Elena Musaelyan, Alexander Kolosov, Marina Bezrukova, Dmitri Maslyakov, Gennadi Papin, Anton Bushinsky, Diana Gorovaya

MEL CD 10 02500